

КИРИЛЛ ФОМЕНКО

В поисках мира

Кирилл Фоменко

В поисках мира

«Издательские решения»

Фоменко К. В.

В поисках мира / К. В. Фоменко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966975-9

Книга приоткроет завесу вселенной внутри каждого из нас, показав судьбу одного человека. История о, пожалуй, самых важных вопросах. Как обрести гармонию? Прийти к себе, радушно встретить или прогнать прочь. Как чувствовать себя полноценной единицей в сложной системе мира? Осознать — что действительно значимо для нас. Как жить прямо сейчас, сложно и просто в современном мире? Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-966975-9

© Фоменко К. В.

© Издательские решения

Содержание

I	6
II	7
III	13
IV	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

В поисках мира

Кирилл Витальевич Фоменко

© Кирилл Витальевич Фоменко, 2019

ISBN 978-5-4496-6975-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга приоткрывает завесу вселенной внутри каждого из нас, показав судьбу одного человека. История о, пожалуй, самых важных вопросах. Как обрести гармонию? Прийти к себе, радушно встретить или прогнать прочь. Как чувствовать себя полноценной единицей в сложной системе мира? Осознать – что действительно значимо для нас. Как жить прямо сейчас, сложно и просто в современном мире?

I

Смеркается.

Неосознанно, незаметно, привычно. Как вчерашние открытия первой любви, страха, радости, удивления и ненависти.

Из воспоминаний о раннем детстве в его голове остались лишь наивные и в тоже время бархатисто-теплые размытые картинки. Время великих открытий и перспектив.

Где-то в самых дальних и пыльных уголках его памяти – деревянные светло-песочные прутья детской кровати. Кажется, остался даже их приятный вкус. Там пушистый падающий снег, ярко освещенный фарами автомобилей в темноте раннего зимнего утра. Первый страшный сон, где из-под вспучивавшегося пола раздевалки в детском саду вылезал огромный слон. Первый самый невинный поцелуй в той же раздевалке, и приятные чувства от подарка – пластмассовое колечко, оставленное в кабинке для самой лучшей девочки.

Основные воспоминания об этом периоде его жизни связаны со временем, проведенным именно в детском саду, куда его приводили самые значимые в детстве люди – родители. Мама работала простым учителем средних классов в самой обычной школе, в спальном районе провинциального города. Отец – инженер по образованию, а по профессии – офисный планктон. Их союз случился скорее по любви, чем по расчету. Это люди с сознанием, укрепившимся еще в прошлом веке. Их основополагающие принципы восприятия картины мира в целом, да и будничное окружение, не перестраивалось. Впрочем, их любимого сына, и главного героя – Сашеньку, в то время все это мало интересовало.

Учителя Саши с ранних лет могли описать его парой слов – флегматик, интроверт. Среди постоянно активных, взбалмошных, открытых всему окружающему миру ребят он неприметен. Ему свойственны такие чуждые нашему миру качества, как вдумчивость, выдержка характера и немногословность. Сознание по большей части направлено в свой внутренний мир. Во внешнем его интересовали лишь свои «сливки». К таким, например, относились привычные и не цепляющие внимание большинства прохожих места. Для Саши одним из таких мест была забытая старая березовая роща. Постоянно занятых светских обитателей современных мегаполисов пугают подобные места. Здесь в рассыпавшихся асфальтовым тропинкам, в траве, которую нельзя назвать газоном, в огромных старых и неказистых деревьях ощущается мимолетность человеческого, и сила естества природы. Для Саши эта роща стала чем-то особенным. Он любил пройтись по заросшим тропам среди многолетних деревьев, когда хотел неспешно поразмышлять. Здесь он чувствовал прилив энергии, где все его переживания находили гармоничный баланс. Невидимая сила даровала ему ясные решения насущных проблем и четкие ответы на вопросы.

Сашу привлекали лишь редкие личности из его окружения, будь то друзья или девушки. Эти непохожие люди, достойные потраченного на них времени, нередко оказывались неспособны всерьез воспринимать друг друга. И искренне не понимали, как он может с ними общаться.

Счастливые время молодой семьи, полное жизни и надежд на светлое будущее, укутывало Сашу в уютно-теплое одеяло безмятежности.

II

Все самое важное в жизни происходит случайно, как бы невзначай. Похоже, что судьба специально старается стереть логические закономерности восприятия происходящего. Тщательно замечает свои следы, как профессиональный мошенник.

Саше двадцать один год, и его молодая голова в основном забита гнетущими мыслями о сложности и несправедливости жизни. Пришло, как кажется, четкое видение окружающей его действительности, неприятие ее, и навязчивое чувство презрения. Мало что изменилось в его существовании. Он все так же живет с родителями в маленькой квартирке с вечным незаконченным ремонтом, в небольшом бесперспективном городке, в огромной стране, зависшей между востоком и западом. Время, лежащее мертвым грузом от бездействия, превращалось в самоуничтожительные думы.

Саша уже по привычке возвращался с университета пешком через рощу, выйдя за пару остановок от дома. Ветер ноября обдавал прохладой последние, противоборствующие наступлению холодов листья и его лицо. Очередной порыв сырого и свежего воздуха помог понять, что возвращаться сейчас в дом престарелых нет абсолютно никакого желания. Дом престарелых – именно так он называл трехзонное помещение своих родителей. В одном из отсеков был нескончаемый и устаревающий на протяжении нескольких лет ремонт. В другом, самом большом по площади, но крохотном по свободному пространству, жила его бабушка, которая переехала к ним после того, как многочисленные родственники молчаливо от нее отказались. В центре стояла большая двухместная кровать, на которой раньше спал сам Александр. Вдоль всех стен пылились давно забытые, старые, никому не нужные предметы: несколько полипропиленовых строительных мешков с пропагандистскими книгами, скрученный рулоном ковер, пару десятков коробок из-под обуви, стройматериалы разных форм и объемов. Третья зона выделяется своей посещаемостью. Она и гостиная, и спальня его родителей, и обеденная. Единственное что выдавало здесь наступление двадцать первого века – тонкий телевизор с огромной диагональю экрана. Помещение, в прошлом носившее гордое название кухня, стало обителью Саши. В его распоряжении был письменный стол, классическая кровать раскладушка, в метре от которой находился электрический духовой шкаф, и четыре стены, две из которых были сделаны идеально ровными, а две других состояли из набитых досок, как в сараях из глубинки. Поскольку одна из таких деревянных стен отделяла ванную комнату с уборной, а вытяжная вентиляция работала только на кухне, то Саша провел несколько бессонных недель из-за бодрящих запахов и звуков ударяющихся о керамику струй. Говорят, люди быстро привыкают к хорошему, но на самом деле большинство свыкается со всем, что происходит в их жизни. Эта способность помогала выживать целым народам на протяжении веков. Так и Саша, ощущая на подсознательном уровне свою связь с пещерным человеком, незаметно для себя самого свыкся с жизнью, превратившейся в серую будничную рутину.

У этого родители богатые, у этой отчим купил новый дом, у этого бабушка оставила в наследство коллекцию антиквариата. У всех все не просто хорошо, а лучше, чем у меня. Как такое возможно?

Намерение изменить привычную, запрограммированную процедуру существования укрепилось посреди рощи. Саша почувствовал прилив сил, словно буйный нрав осеннего воздуха поделился своей живой энергией. Подобные ощущения бывали редко, но когда случались, то приносили с собой ярко выраженные желания действий. Звонок, и уже через пару минут он идет на встречу к Миле.

В возрасте пятнадцати или шестнадцати лет Саша впервые почувствовал необъяснимую связь с девушкой. Она не была объектом сексуальных инстинктов, она рождала в его мыслях зависимость. Ее открытость и порой наивное желание поделиться с ним самыми сокро-

венными чувствами и желаниями вызывали взаимность и с Сашиной стороны. Он наизусть помнил дорогу в другой район города, третий этаж, большая коричневая дверь. Затем было мороженое, кино и непрекращающиеся разговоры обо всем на свете. Она была его первой настоящей подругой. Но позже переехала с родителями в другой город, и незаметно связь с ней исчезла.

Мила... Она третья подруга в его жизни, но первая настоящая, осознанная. Впервые Саша увидел ее одиноко стоящей на трамвайной остановке. Свежее летнее утро, лучи теплого желтого света падали сквозь ее локоны на лицо молодой Деми Мур. Саша остановился, его взгляд был окончательно прикован к такой кинематографичной картинке. Кажется, она почувствовала и посмотрела в его сторону.

Внезапно с противоположной стороны ее окрикнула подруга: «Мила! Привет!»

Этот звонкий голос как будто вывел Сашу из сонного оцепенения. Мила пошла быстрой, но не лишенной элегантности походкой к подруге. Позже, вечером того же дня, Саша нашел всех Мил в городе в социальных сетях.

На первой встрече Мила произвела возбуждающе приятные эмоции. Она вела себя открыто и легко. Находясь с ней наедине, он вспоминал то живительное утро, когда впервые увидел ее. Саша же напротив был по обычаю суховат, но вскоре заразился ее свежей прямой общением. Он смотрел на Милу. Ясный взгляд подчеркивал ненавязчивый макияж. Темные прямые волосы, слегка закрывающие лицо, придавали галантной таинственности. На блузке простого покроя небольшая бижутерия в виде знака тельца. Юбка чуть выше колен эффектно подчеркивала линию, переходящую от ее лакомых бедер через выразительно рельефные икры к поэтичным щиколоткам.

Минуты за столиком в кафе летели спортбайком по извилистым дорогам перевала Стельвио. От забвения Сашу разбудило смс-сообщение, пришедшее от девушки, которая по ночам уже думала, какое платье надеть на пышную свадьбу, и какие подруги заслужили быть на ее дне. Он очнулся, как тренирующийся задерживать дыхание дайвер, который поднял голову на поверхность, вода вытекла из ушей и реальность мира вернулась. Саша все же не стал отвечать и подумал о двух вещах. Первое – нужно срочно найти нелепый предлог, чтобы отправить в свободное плавание свою девушку. Второе – сидящая напротив молодая особа хороша собой, и даже интересная собеседница. Это интриговало его больше, чем перспектива получения еще одной вольной грамоты в архив. Саша быстро решил, что Мила может стать отличной подругой, психологом, которому можно показать шкафы со скелетами. Он закончил первую встречу быстро и максимально неромантически, до наступления дающей надежды ночи. Возвращаясь домой, он бережно раскладывал в уме первые ощущения от общения с Милой.

После были счастливые месяцы с искренней верой в существование родной души. Мила стала распахнутым окном в заброшенной, мрачной, пыльной палате для Саши. Он стал для нее чем-то привычным и, возможно, родным, похожим на странный симбиоз местного доброго дурочка, которого знает вся округа, и дневника девочки, в котором появлялись записи о наивных и чудных новых чувствах.

В ее день рождения он подарил цветы и внезапно для себя понял, что принес их не подруге, а девушке, которую становится больно отпускать.

Теперь же Саша стоит у входа в кафе и пускает клубы сигаретного дыма в осенние сумерки. Ветер лезет под пальто, напоминая о приближающейся зиме. В голове крутится строчка из песни Жарова про натягивание ушаночки. Пальцы его ног начинают замерзать, но настроение отличное. Перед его фигурой открывается сказочный вид города, готовящегося отойти ко сну. Разноцветные ночные стражники витрин вышли на репетицию парада. За его спиной любимое кафе, в котором прогуливались многочисленные пары и происходили пьяные разговоры с друзьями, рождающие мысли о том, что однажды мир прогнется. Здесь же встречи с девушками, смотря на которых Хармен ван Стенвейк смог бы нарисовать новый шедевр.

Но притягивало Сашу сюда не из-за всех этих историй и сплетен, а из-за работавшей здесь официантки. Саше всегда казались более привлекательными брюнетки, но не в этом случае. Она была старше его, выражение лица идеально милое, как у ребенка из счастливой семьи в рекламе. Смотря на нее, можно было ощутить себя на набережной императорского дворца, когда цветет сакура. В ее присутствии в голове укоренялась пара мнений. Первое – что подобные девушки не должны работать, безусловно, если это не доставляет им необходимого удовольствия от жизни. Второе – черт возьми, блондинки тоже бывают привлекательными.

– Привет, заждался? – Мила дружески обняла Сашу. – Почему не зашел внутрь без меня?

– Как я мог не открыть тебе дверь? – ответил он, пропуская ее вперед.

Они еще не начали непринужденную беседу, а Саша уже ощутил два якоря, упавших на поверхность счастья. Первый олицетворял свежий аромат ее духов. Не приторно цветочный, как у совсем молодых девушек, и не тяжелый мускусный, как у дам постарше. Второй говорил о приятной тактильной энергии, пробежавшей сквозь пальцы Саши от прикосновения с кунницей, защищавшей Милу от начинающих холодов.

Красивая официантка сегодня не работает. Какая-то другая, незнакомая Саше девушка заученно и услужливо провела пару за свободный столик в углу помещения. Она записала заказ, улыбнулась, с трудом скрывая усталостью и безысходность. Затем медленно удалилась. Через секунду Саша забыл, как она выглядит.

Мила, пришедшая с охапкой вещей, оставшихся после очередной тренировки по танцам, с аппетитом восполняет потраченную энергию. Саша пьет терпкий кофе.

– Знаешь, те наброски, что ты присылал мне, – говорит она, втягивая пенку латте выразительными губами. – Мне они очень понравились. Тебе стоит работать в этом направлении. У меня есть пара знакомых, которые лучше разбираются во всем этом. Давай я отправлю им твои работы, пусть они посмотрят.

– Спасибо, мне приятно, что тебе понравилось.

Саша, убивая ночное время, когда не мог заснуть, рисовал карандашом абстрактные фигуры. Чаще всего он старался изобразить время, точнее, навязчивые моменты из его собственной жизни, которые, оставаясь на бумаге, становились тише. Почти всегда в рисунках можно было заметить твердую, необъяснимо тягучую линию, проходящую через все образы.

– Так что насчет работ? Я их отправлю?

Рядом с Сашей появился Гарольд, и с издевкой произнес ему на ухо:

– Она их уже отправила, можешь отвечать ей что хочешь!

– Я думаю, не стоит пугать людей своими бреднями. Я не потратил на это усилий. Ты же понимаешь, что это не настоящее творчество или что-то вроде.

– Почему нужно все время жить с каким-то усилием? Зачем нужны эти лишения и запутанности? В конце концов, зачем лезть на гору, когда можно обойти?

– Я не знаю. Но результат после таких действий кажется более значительным.

Несколько секунд они сидели молча, каждый думал о своем, но частота вибраций их мыслей обретала равенство.

– Скажи мне, чье лицо ты так часто рисуешь?

– Какое лицо? – быстро ответил Саша, хотя сразу же понял, о чем спросила Мила.

– Лицо девушки. Его можно разглядеть.

Саша задумался, но все-таки решил рассказать про Марию.

– Это Маша, Машенька. Единственное, что я действительно потерял в жизни. Знаешь, это тяжело объяснить... Смешно то, что я никогда не знал ее. Вернее, конечно, я ее знал и даже мог перекинуться с ней парой ничего не значащих слов. Это когда «привет» значит: «эй, я не знаю твоего имени, но мама научила меня хорошим манерам». Обычная, симпатичная девочка, которой при встрече непроизвольно улыбаешься, когда хорошее настроение, а иногда упускаешь ее из виду. Но ничего больше. А после была банальная летняя ночь. Когда выпитый

алкоголь сначала говорит: «эй, дружище, посмотри они все отличные люди». А затем: «слушай, тебе повезло, здесь все девушки такие богини». И она была там... Знаешь, я все думаю, что меня так зацепило? Ее неопытные, но божественно нежные и страстные губы? Или же то, как она показала бархат своих переживаний и тревог? Знаешь, когда ты слышишь наготу души, что открывается тебе в дар, без целей, причин и следствий. И почему так билось мое сердце? Оно словно рвалось наружу, к кончикам ее чувственных пальцев.

Гарольд сказал: «У меня есть пара знакомых, торгующих таблетками с подобным эффектом! Ха-ха!»

Саша не услышал его голос или сделал вид, что не услышал. Он продолжил высказывать мысли. Мила, казалось, внимательно слушала, редко меняя выражение лица и свою позу.

– И какого хрена в моей голове стоит эта трава по колено в предрассветную пору? Затем наступил новый день. Я не говорил тебе, но часто по утрам я достаточно сильно ненавижу мир. В это время я циничен и рассудителен, все видится закономерно паршивым. Вот и в тот день предыдущие часы, казалось, прошли в детском желании казаться старше. В тот момент я считал, что она выпила лишнего, и что лучший вариант – ничего не обсуждать. Я просто собрался, уехал и больше не видел ее. Не возникло желания слушать ни оправданий, ни тем более разговоров о чем-то большем. Помню, я тогда попрощался, ха. Это когда «пока» значит: «эй, вчера нам определенно было весело, но сегодня я тебя не знаю». И первые дни, даже месяцы, я спокойно продолжил жить, и все было отлично. Божественное время, когда не думаешь совсем, тебя не волнует ничего, и все прекрасно. Но потом я стал замечать за собой, что мысли о той ночи из единичных и ненавязчивых превращаются в постоянный сумбур. Я говорил себе: «Братан, о чем ты вообще? У тебя были куда красивее. Представь, что еще ждет тебя впереди». Но ветер времени не тушил, а раздувал этот огонь. Затем ты заходишь на ее страницу в социальной сети, и все, что там видишь, кажется тебе идеальным. Она может выложить самую тупую цитату или совершенно нелепую картинку, но все это теперь интригующе прекрасно. Потом ты мучительными часами, незаметно перерастающими в месяцы, заставляешь себя не писать. Были ночи, когда я не мог заснуть постоянно думая о ней и о том, что могло бы быть. Представляешь, темно, тишина холодной комнаты, я впадал в какой-то транс, вставал перед зеркалом на колени, смотрел через свою голову. И, чтобы ни о чем не думать, брал свой кулак в руку и мертвой хваткой кусал за костяшку указательного пальца. Текла кровь, но голова была свободной...

Гарольд сказал: «Да, было весело, мы ведь так и начали общаться с тобой».

Неожиданно Саша прекратил говорить и сел глубже в кресло, желая услышать долгую речь. Мила заметила это и коротко спросила:

– То есть ты переспал с ней, и не можешь забыть?

Саша оторопел от такого вопроса. Он явно ожидал чего угодно, только не этого.

– При чем здесь спал или не спал? Я тебе только что рассказал о том, чего никогда раньше не испытывал к девушке. Прошел второй год, а я все вспоминаю одну ночь! Нет, я не спал с ней, если говорить об этом.

Саша все не мог поверить в то, что Мила так отреагировала. Ведь он рассказал ей самое сокровенное, то, чем он ни с кем не делился.

– Покажи мне ее фото, я скажу, что в ней некрасивого, ты сфокусируешься на этом и перестанешь думать.

Саша видел, что она не понимает, о чем он только что рассказал ей. Бессонные сутки, хаотичные мысли, но об одном и том же, болезненные стихи, картины, его указательный палец на левой руке не сгибается, мешая собрать руку в кулак. Впервые он не увидел отражения в глазах Милы. Разум бил его по голове, приговаривая при этом: «Какого черта ты ей все рассказал?»

– Вот ее фото, – Саша показал совершенно другую девушку, из другого города.

– Эта? – рассматривая фотографии, говорила Мила. – Ну, она милая. Но вот знаешь, нос у нее, конечно, длинноват, да и губы какие-то маленькие. Да, грудь, конечно, есть.

Саше впервые надоело слушать Милу. Он понял, что сегодняшний вечер подошел к концу.

Прошел месяц. Мила улетела со своей группой на соревнования в какой-то город. Саша был рад, что не нужно придумывать нелепые причины не встречаться. В четыре часа серого зимнего дня на почту Саше пришло письмо от организаторов конкурса «Новая история искусства». Из письма он понял, что Мила отправляла его работы под псевдонимом Alex Rosenstein. Неизвестно, из-за красиво звучащей фамилии, или из-за малого числа присланных работ, но Саша оказался в числе призеров. Далее в письме его приглашали поучаствовать в суперсовременной международной выставке. Казалось, если произнести ее название, можно получить расположение королевской семьи. Каждое новое прочитанное предложение добавляло Саше эйфории. Он не мог поверить, что его каракули не только оказались неспособными превратить в слепого, но и смогли занять какое-то место. Он, подобно нарастающему грому, произносил: «Да! Да! Да!». Затем, немного успокоившись, все снова перечитал. Зашел на сайт, посвященный предлагаемой выставке. Удивился, что он оказался рабочим. Мероприятие действительно было международным, оно проводилось раз в два года в разных странах. Система, напоминающая значимые спортивные события. Из прилагаемых к присланному письму требований Саша понял, что нужно до конца недели лично представить одну работу на рассмотрение.

Всю ночь Саша не спал. Десятки просмотренных, прочитанных и услышанных историй, каждую из которых можно кратко описать «из грязи в князи», давали воодушевляющую, глупую и сильную веру в то, что его жизнь станет такой же. Проснулся он рано, поспав под утро пару часов. Чаша его энергии была полна, как у предпринимателя, чья компания с фурором провела IPO. Медленный интернет, старый компьютер, белый лист бумаги и гелевая ручка помогли принять решение, что необходимо лететь. Денег, накопленных с партнерских программ различных лохотронов, хватало на недельное проживание в хорошей гостинице и билет на самолет с серебристым крылом. Небольшой, но свой настоящий жизненный опыт подсказал Саше ничего никому не сообщать.

Мама Саши просила его не забыть купить крем от загара, когда закрывала за ним дверь. Она считала, что он отправился отдыхать в дешевые курортные края со своей девушкой. Ее от природы мало интересовало, откуда у Саши деньги на такое путешествие, и как вообще зовут выдуманную девушку.

Холодный ветер, серое небо, гармоничная смесь архитектурных стилей, все же говорящих столичным европейским голосом, встретили Сашу. Странный таксист – попросил меньше, чем ожидал пассажир, молчал, ехал быстро, но соблюдал дорожные правила. Это позволило Саше погрузиться в беспорядочные мысли. Он почувствовал острую необходимость в хорошем дорогом костюме, или по крайней мере пиджаке.

Саша принял душ, поел, и отправился бродить по улицам незнакомого города в поисках подходящего магазина. Он шел энергичным шагом по брусчатке и таявшей массе, напоминавшей разлитую нефть, вглядываясь в лица прохожих и перспективу города. Места добродушно новы. Скорее это был разговор на кухне со старым приятелем, не обделенным интеллектом, чем появление деревенской простушки на международном конкурсе красоты. Ноги Саши остановились, огромные окна, источающие золотую массу света, словно взяли его под руку. Через пару минут он смотрит в огромное зеркало на элегантно сидящий на нем пиджак. В такие моменты понимаешь, почему шоппоголики живут дольше. Они общаются с позитивными людьми, чья отработанная лезть не вызывает прямоотвращения. К тому же они получают ощущение новой, лучшей жизни. Гарольд сказал: «Бери!», и Саша, не спрашивая о цене, расплатился за покупку. Вернувшись в свой номер, он посмотрел сообщение от банка и понял,

что на возвращение до дома денег не осталось. Но, как ни странно, это не слишком огорчило его, ведь встречают, как известно, по одежке. А теперь он видел в зеркале успешного парня, который находится в отличном расположении духа.

Утро следующего дня, зашедшего в его временную обитель, виделось отвратительным. Тусклый серый свет, сигналившие в пробке машины, и боль в горле тащили Сашу обратно в кровать. Преодолев себя, он быстро собрался. Посмотрел на пиджак и на себя в нем. Картина не такая радужная, как вчера, но все-таки радовала глаз и придавала уверенности. Две третьих часа, и Саша в судии, по указанному в письме адресу. Помещение напоминает бухгалтерию убыточного завода. Обветшалые стены, суровая мебель голубых воротничков, впитавшая в себя лозунги, беспорядочные стопки бумаг. Его встретил человек с небольшими темными глазами, лысиной и полной волнообразной шеей, подходящей депутату, трудящемуся не первый год. Встретили – это громкое слово, скорее смиростивились на пару минут. Владыка офисного кресла поднял свои глаза всего один раз.

– Кто такой? Что нужно?

По всей видимости, в своей жизни он видел куда более солидные пиджаки.

– Здравствуйте. Алекс Розенштейн, мои работы заняли призовое место в вашем конкурсе. В присланном мне сообщении говорилось, что я могу поучаствовать в международной выставке. Вот мои работы, я взял лучшие, на мой взгляд. Не уверен, какая подойдет.

– Не доставайте, я их смотреть все равно не буду. Деньги нужно перечислить вот на этот счет.

– Постойте, какие деньги? Говорилось же, про специальные условия? Какой договор?

– Это место уже занято. Есть еще одно. Пять тысяч долларов. Договор на передачу авторских прав.

– Так какой же мне смысл тогда выставляться, если я ничего не получу?

– Ваше имя могут заметить. Ха-ха, Розенштейн. Работа на перспективу. Желаящие уже есть, если не интересуется, можете не тратить свое и мое время.

Саша идет по улицам. Около дюжины матов вслух ненадолго привлекли внимание прохожих. Работы смяты и выброшены в ближайшую урну. В его голове кричат вопросы: *Какого хрена, ты мне ничего не сказал?! Как можно было отправиться в большой город со всеми деньгами и даже не позвонить? На что ты надеялся? Кто ты такой? Как можно было потратить все свои сбережения в первый день?* Потоки злости придали ясности уму, реальности происходящего и вылечили першение в горле. Гарольд язвительно и громко смеялся. Успокоившись только через несколько кварталов, он начал спокойно и с остановками говорить.

– Согласись, это забавно, осознавать, как ты жалок, по сравнению с тем, каким благодушным принцем ты себя видишь. Пиджак тебе идет, в своей деревне ты бы его не купил. Этот парень тебе только что преподавал урок заработка на надеждах. Ну и самое главное, посмотри на город, разве он не прекрасен? Сейчас дойдем до гостиницы, ты ушел в другую сторону. Там ты остудишься в душе, сядешь и решишь, как действовать дальше.

Голос Гарольда привел в баланс. Саша успокоился, развернулся и пошел навстречу новому витку своего пути.

III

Он стоял и смотрел в ночь через распахнутое окно. Морозный воздух, насыщенный влагой, порывами ударял его в лицо. Он уже просмотрел имеющуюся в интернете информацию о компании, в которой сегодня остудили его амбициозный пыл. Из отзывов понял, что она легальна, но положительных результатов зафиксировано не было. Выставку курирует, как оказалось, совершенно другая компания «Харт», а открытие должно состояться через пять дней. По скупердяйским расчетам, денег хватало на четыре дня. Девяносто процентов времени в течение осознанной жизни в голове у Саши были мысли, так или иначе связанные с деньгами. Сейчас думы его были в тех десяти процентах. Его в наибольшей степени волновало то, как попасть на выставку.

Гарольд: «Не знаю, зачем ты просидел здесь весь день, но ты должен был пойти напрямую».

Саша ответил вслух:

– Ну наконец-то! Где ты шляется? Мне нужно было знать, что делать дальше.

Теперь он твердо знал, куда направится завтра, как только откроется «Харт». Он снова подошел к окну. Прямо перед его взором верхняя часть кроны зрелого клена. Нагие темные ветви загадочно переливаются под тусклым светом фонаря. Словно последний солдат, на самой верхней и молодой ветви одинокий лист борется с порывами хладнокровного, безжалостного ветра. В этом бою он потерял свою живительную зелень теплых дней. Соплеменники давно покинули ветви, смирившись со своей участью. Но он простосердечен и силен, и все еще здесь.

– Эй, Гарольд, на что он надеется? Думает, что переживет зиму? Саша не открывал рта, но услышал знакомый, уверенно медленный голос, полный тишины пауз и разума.

– Кто знает? Его вера сильна, и это поможет. Не исключаю, что он здесь для тебя, ты же увидел... Не иди за бутылкой, ложись спать сейчас. Поставь два будильника, один на пять, другой на полседьмого.

Саша больше не стал ничего спрашивать, он знал, что Гарольд всегда ему помогал. Он выключил свет, лег и заснул мертвецким сном.

Бесхитростная мелодия телефона разбудила его, оторвав от мытья белой собаки, найденной на улице. Пару минут он ничего не понимал, руки чувствовали приятную шерстку небольшой собаки, в голове был ее голос. Саша понял, что это был сон. Посмотрел на часы: семь тридцать три. Первый будильник, видимо, не прозвенел. Желудок звал потратить оставшиеся деньги. Саша быстро умылся, оделся, взял в руки оставшиеся работы. Пристальный взгляд говорил, что эти рисунки куда хуже тех, что вчера остались в мусорном баке. Других не было, поэтому он свернул их подозрительной трубой, как у капитана дальнего плавания, радующегося каникулам, всунул во внутренний карман пиджака и вошел на улицу. Решив, что денег всегда хватает, он направился к кафе, расположенном по пути в «Харт». К тому же желудок просил теплый сырный суп, а не бездушную магазинную еду.

Перед ним заказ, который оставит Сашу довольным, но с пустым карманом. Поодаль пустынной барной стойки у окна сидел единственный посетитель – современный, молодившийся фронт. Идеальная прическа, туфли цвета дорогих сигар, рубашка и брюки ярких, но не вызывающих цветов. На ровном носу очки с толстой оправой, через них он читает газету, шрифт заглавия которой говорит о себе что-то вроде «мудрость веков». Саша, чтобы не думать о предстоящем разговоре в «Харт», если он вообще состоится, попытался представить этого щеголя в своем родном городе, на районе. Эти смешные мысли прервала собака, которая снилась ему сегодня утром. Саша удивлялся, до какой степени она была реальной. Он привел ее в какой-то незнакомый, но свой дом с улицы. Она сказала, что не хочет собачий корм, а с удовольствием выпьет стакан молока. Затем Саша ее помыл, и его пальцы в жизни не держали

ничего более приятного. Это было странно, но он не стал задумываться над толкованием сна, а попросил счет.

До приемной «Харт» Саша добрался довольно быстро. Интерьер модный, дорогой, но со стойким ощущением масс-маркета. Здесь его вежливо, с ощущением отстраненного холода выслушали и даже посмотрели рисунки. Затем сказали, что список лиц, представленных на выставке, был утвержден еще месяц назад. После Саша услышал фразу о сожалении, а потом, что такие слабые, примитивные и бесперспективные работы не нужны ни организаторам, ни судьям, ни даже посетителям. Унизительные слова были по-хватски вплетены в умиротворяющие обороты, голосом доброй воспитательницы детского сада.

Только выйдя на улицу, он заметил павильон, предназначенный для предстоящего действия. Саша смотрел пустыми глазами в сырую кирпичную стену, в монументальные закрытые двери, рядом с которыми красовался минималистичный баннер с цифрами – девять утра, девятое число, девятая выставка. Саша увидел себя со стороны, стоящего на шумной улице, уставившегося в закрытые ворота, подобно барану в никогда не открывающемся загоне. Он видел, как редкие снежинки падали на его горячую голову. Он знал эти девятки, они приходили в голову последние полгода, во времена, когда все считают баранов или безуспешно пытаются успокоить ход энергичных, навязчивых мыслей, мешающих уснуть. Он понимал, что не вернется к прошлой жизни, но новая никак не хотела начинаться. Простояв около десяти минут в бескончаемом потоке людей, снега и ветра, он пошел в неизвестном направлении.

Прошли часы, пальцы ног онемели от холода, но он продолжал идти среди творений возвышенных душ архитекторов и расчетливых бюрократов. Саша ждал Гарольда. Он хотел послать его куда подальше за такие шутки. Но этот надменный тип не посещал его. После мысли о Миле.

Нужно позвонить ей, все рассказать, объяснить, попросить прощения за то, что оставил, ничего не сказав.

Затем всегда побеждающий голос разума, так похожий на голос трусливого эгоиста.

С какой стати я должен ей что-то? Кто она мне? Друг? Ха-ха... Она же нашла себе какого-то там парня, говорила, что это судьба и надолго. Зачем я ей? Что я могу ей дать? Зачем она мне? Я же знаю, она не первая и не последняя. Я же знаю, когда возвращаешь все назад, то вспоминаешь, почему все оставил.

Гарольд: «Кстати, напомни, почему ты решил оставить ее? Ты же понимаешь, что это было слишком долго? Она будет вспоминать, проклинать, прощать. Ее замкнет на этих мыслях. В ней появится страх твоего ответа на ее вопросы. Ты же знаешь, что она теперь месяцами в этой западне».

Она не была моей девушкой. Я не говорил ей о любви. У нас не было с ней ярких моментов. Да и ты же сам знаешь, что со мной у нее не будет того, что ей нужно. Я видел ее глаза, кажется, он будет надежной ипотечной стеной. А вообще, какого хрена ты пудришь мне мозги? Что это было? Ты же всегда помогал мне? Что мне делать теперь?

Гарольд: «Потише. Я всегда тебе помогал, и ты знаешь это. Не говори со мной так, а то у кого-то появится еще одна нить, которую нельзя разрезать».

Саша понял метафору о связи с Милой. Он не хотел еще одну тянущую нить, сводящую с ума. С чувством смиренного подчинения начал слушать, что еще скажет Гарольд.

Гарольд: «В ночь на девятое ты будешь знать, что делать. А сейчас у тебя нет денег. Ты в темном дворе, здесь нет камер, нет людей, только вон тот бедняга, что перебрал и пожалел денег на такси. Не говори с ним, а то он начнет орать. Догони, ударь с размаху в голову. Не переживай, твой удар не убьет его, ха-ха».

Саша только сейчас понял, что на улице уже успело стемнеть. Он без лишних разговоров, как солдат, проделал все, что услышал от единственного настоящего друга в его жизни. Пьяный незнакомец не отключился от неожиданного удара, упал, но пытался встать и бормо-

тал что-то невнятное. Саша с дикой яростью принялся вгонять подошву своих промерзших дезертов в лицо страдальцу. С пятым или шестым ударом разум вернулся. Сильный запах алкоголя и крови придавал уверенности. Он точно не вспомнит никаких примет. Саша достал платок из своих брюк и полез за портмоне во внутренний карман куртки незнакомца. Тот сопел пузырями крови из развороченного лица. Саша достал купюру, которой хватило бы на такси и бутылку дешевой водки, бросил в направлении любимчика Тюхе. Затем посмотрел по сторонам, развернулся на девяносто градусов и быстрым шагом пошел к соседним дворам. Через пару кварталов остановился. Непривычно много бумажных денег крупными купюрами. Наверное, приезжий провинциал, подумал Саша. Банковская карточка, фотография жены, дочери – все это в мусорный бак.

Успевший стать родным номер в отеле сейчас представлялся камерой одиночного заключения. Саша посмотрел на свое отражение в зеркале. Цвет лица непривычно белый, отдававший мертвечиной. Дикие глаза заполнили огромные темные зрачки. Он опустил взгляд ниже – обветренные красные пальцы рук трясутся. Саша заставил себя достать смятый комочек купюр. Не с первого раза удалось пересчитать сумму – денег оказалось больше, чем было до его решения отправиться в этот город.

От неожиданного голоса Гарольда он вздрогнул.

– Неплохо подзаработал! Ха-ха! Выгодная поездочка, да? Не волнуйся ты так, все отлично, тебя никто не будет искать. Нужно это отметить, иди за бутылкой.

Дорогая водка и пластиковая бутылка, смутно напоминавшая копию трех семерок, стоят на небольшом столике. Продавец слишком долго смотрел, он мог что-то заподозрить.

– Наливай. И выключи свет. Открой окно нараспашку, свежесть тебе не помешает.

Саша так и сделал. Время остановилось, темнота и жуткий коктейль обволакивали, давая теплоту безмятежности.

– Смотри-ка, этот наглец так и не упал, – сказал Саша.

– Да, но ты же понимаешь, чем все закончится... Кстати, ты зря кинул ему деньги. Он их не увидит. Ты еще услышишь меня, когда будет нужно. Развлекайся.

Беспокойная ночь пугающих мыслей и алкоголя подарила Саше необходимый крепкий сон на весь день. Необъяснимый позыв прийти вновь в тот злосчастный двор он подавил возможностью рисовать и заказывать еду в номер. Наступило долгожданное время нирваны. Никаких тянущих на дно мыслей о прошлом, никаких эфемерных мечтаний о будущем.

Четыре сорок семь на часах. С одной стороны стекло серость, возбуждающая душевнобольных, с другой – Саша в кругу развороченных бумаг. Он, зайдя в ванную комнату, набрал полные ладони ледяной воды и жадно вдавил ее в лицо, желая выйти из забвения. В зеркале отражался обросший незнакомец. Заметные круги под глазами, белая с оттенком нежно-зеленого кожа. Щетина бездомного, подстригшегося тупыми ножницами. Ногти – мечта человека с онихофагией. Саша подумал, сколько часов он не выходил на улицу и ни с кем не общался. Ответ так и не пришел в голову. Он вернулся в комнату к пустым бутылкам вина и исчерченным листам. Собравшись с мыслями, вспомнил, что послезавтра открытие выставки. Пересчитал деньги – хватит еще на месяц проживания в отеле. Нужно выйти на улицу, пусть уберут номер. Саша привел себя в что-то похожее на приличное состояние, посмотрел на лист клена – он на месте, такой факт улучшил настроение. Покинув давящие стены и воздух убежища, он пошел вдоль широких улиц. Свежий холодный воздух, заполнивший его грудь, придавал сил. Редкие взгляды угрюмых прохожих не раздражали его, а радовали. Он не один, он со всеми, он тоже куда-то спешит. Он шел прямо, поворачивал лишь, когда зеленый свет это советовал. Лицо, как всегда, притягивало снежинки. Но Саша не укрывался от них, ведь они дарили капли жизни. В придорожном кафе он взял горячий кофе с выпечкой. Душа не собиралась успокаиваться, настроение становилось лучше с каждым энергичным шагом.

– Как здесь все-таки красиво!

Он прошел через какой-то парк, затем свернул на небольшую улочку без машин. Легкие загадочные сумерки. Фонари уже горят и в тысячный раз открывают взору хитросплетенные сандрики над окнами небольших домов, чьи стены хранят голоса поколений. С неба, замедляя временное пространство, падают белые хлопья. Саша сам не заметил, как остановился. Он стоял посреди гармонии природы и силы искусства.

– Хорошая погода! – Саша неожиданно услышал молодой женский голос позади себя.

Яркий свет над парадным входом дома представляет привлекательную девушку в усилившемся потоке снежинок. Ее стройные ноги стоят в третьей позиции балерины, что захватывает внимание, но выглядит естественно. Из-под пушистого воротника полушубка выглядывают только игривые глаза и румяный от ветра нос. Темные, почти черные волосы собраны в прическу, подходящую популярному корейскому певцу. В ее руках прозрачный пакет, полный цитрусов. Похоже, она какое-то время наблюдала за Сашей.

– Да, прекрасная. Я бы даже сказал, новогодняя.

Девушка ничего не ответила, но по глазам можно было понять, что она улыбнулась. Саша подошел немного ближе.

– Любите апельсины?

– Да. Точнее, не то что люблю, или это мои любимые фрукты, просто сегодня почему-то захотелось. Как вы заметили, атмосфера и настроение какое-то сказочное.

– Может, на ты?

Девушка кивнула. Смотря на нее, Саша подумал – это же снежная королева в новом видении концептуального режиссера.

– Ты ждешь кого-то?

– Нет, я вот уже пришла домой и не хотела так рано заходить. Признаюсь, смотрела на тебя. Давно я не видела такой детской реакции на падающий снег.

– Да, знаешь, новая жизнь, новые места, новые люди, и какой-то ребяческий восторг. Может, тогда пройдемся, потом куда-нибудь зайдем, выпьем кофе?

– Да, давай. Только скажи мне свое имя?

Они шли по темнеющим улицам города, обмениваясь полуправдивыми, но такими сближающими фразами. И даже в неловкие секунды молчания они чувствовали необъяснимую теплоту нежности, что согревала их. Саша захотел находиться напротив, а не рядом с ней.

– Зайдем в кафе?

Задав вопрос, он остановился и повернулся к Алле. Она сделала так же.

– Я не хочу сегодня никого видеть... – она театрально прикусила свою тонкую нижнюю губу, – кроме тебя. Знаешь, мои руки замерзли, – она провела свои ладони под пальто Саши, остановив их в задних карманах его брюк. – Мы так близко... – она на мгновение отвела взгляд в сторону, Саша заметил ее точеные скулы. – Прости меня, я не такая... Но давай сегодня встретим наш Новый год вместе? Я еще успею сделать оливье, порежу апельсины. Ты же любишь оливье? Мне важно знать, что ты любишь.

Алла ненадолго остановилась. Саша ласково смахнул с ее волос медленно таявшие снежинки. Она приподняла свой подбородок. Он впервые поцеловал девушку в лоб.

Затем умиротворяющим, но счастливым голосом сказал:

– Все будет так, как ты захочешь. Нам плевать, в каком они дне или месяце делают вид, что живут. Сегодня я открою шампанское, мы совершим обряд призыва желаний, включим запись поздравления президента за любой год любой страны, затем сосчитаем до двенадцати и окажемся в новой жизни, полной новых надежд.

– А что будет потом? – Она снова отвела голову в сторону, Саша ощутил ясное желание коснуться губами ее воодушевляющих скул.

– Затем мы будем танцевать под твои любимые песни из восьмидесятых, девяностых, нулевых. Потом ты начнешь приставать, а я буду изо всех сил стараться не поддаться тебе.

Алла громко расхохоталась, достав свои потеплевшие ладони.

– Пойдем.

Новогоднее утро, восьмое число, двенадцать часов. Болят ноги, поясница и язык. Саша поднялся с постели, чтобы осмотреться. В голове одна четко сформулированная мысль – найти воду. Он неуверенным шагом добрался до кухни, открыл кран с холодной водой, насколько это было возможно, утолил жажду. Помещение было чистым, светлым и даже уютным, но Саша чувствовал себя не в своей тарелке, он уже хотел увидеть тесные стены гостиницы. На столе рядом с очищенным апельсином он обнаружил записку от Аллы. Она оставила ключ от квартиры и сообщила, что вернется к шести вечера. Также она оставила кастрюлю с супом.

– Да уж... так быстро меня в хомут еще не брали!

Саша посетил душ, сварил кофе, выкурил сигарету, поставил разогреваться суп.

– Она совершенно меня не знает, оставила у себя в квартире, да еще и с ключом. Где она работает? Ее ли вообще эта квартира? Что я делаю здесь? Ем суп? Ха-ха! Завтра выставка, а я так ничего и не придумал! Нужно срочно отсюда линять! СМС от мамы, пора позвонить и хоть что-то рассказать.

Он смотрел в зеркало на свое бледное лицо, когда говорил маме, что уже загорел и вернется через недельку. Успокоив родительскую тревогу, он оделся. Время три часа дня.

– Пора уходить. Стоит ли ей что-то написать? Она знает только мое имя, даже номер ей неизвестен.

Саша ничего не написал, потому что сам себе не мог ничего объяснить. Пересчитал свои деньги, вызвал такси, закрыл дверь со стороны подъезда. Ключ он бросил в ее почтовый ящик.

Пока Саша ехал в машине до своего номера, в его голову лезли сексуальные, эротичные кадры воспоминаний о недавней ночи с Аллой. Его поцелуи на ее игривых губах, манящих скулах, на ее небольшой, но такой чувствительной груди. Затем откуда-то из глубины вылезла ее фраза: «Кто они такие, чтобы тебе что-то запрещать! Я верю в тебя, верю в то, что ты достоин быть там!»

– Вот что нужно, наконец-то! – произнес вслух Саша, из-за чего обернулся водитель.

– Планы поменялись?

– Да, вези в ближайший строительный.

Саша в прибранном в его отсутствие номере. На кровати лежит все то, что он привез из магазина – холст с увесистой рамой, недешевая дрель-шуруповерт, баллончик с красной краской.

Весь день перед его глазами была кирпичная стена, она приводила его к звериному бешенству. Переполюнявившая его энергия цепкой хваткой держала часовую стрелку. Саша ждал ночи. Он думал о том, почему нет временного банка, в который можно было бы отдавать мало-значимое время и возвращать его в нужные моменты. До часа ночи он отжимался и кричал в подушку. В перерывах между этими увлекательными занятиями он клевал еду и смотрел страницы девушек, с которыми раньше общался в социальных сетях. Все они выглядели лучше, чем в жизни, у всех были одинаковые песни о несчастной любви. Это показалось ему настолько забавным, что он засмеялся каким-то больным и непривычным голосом.

Как там Алла? Доела ли она свои апельсины? Ха-ха. Я здесь больше не могу находиться. Нужно идти сейчас.

Его скулы болели из-за того, что он непроизвольно сжимал их все сильнее, руки в красных, расчесанных пятнах. Он, не обращая на это никакого внимания, надел еще мокрую после стирки рубашку, затем пальто. Взял в обе руки все необходимое с кровати и направился к девятой выставке.

На улице похолодало. Он летел по белому налету тротуара, будто боялся опоздать. Решил сократить путь, свернул в совершенно незнакомый двор, из которого в потемках долго не мог найти выход. Очередной тупик, очередной резкий поворот – жгучая боль в правом колене

от встречи с обледеневшим бордюром. От ядреных слов, произнесенных после падения, зала-
яла чья-то собака в доме. Саша с трудом, но все же поднялся, собрал все свои драгоценности,
к счастью, все цело.

В три ночи он стоял на улице, противоположной павильону. Ногти на больших пальцах
рук болят от студеного и влажного воздуха. Саша остановился, потому как не ожидал увидеть
целую ораву бегающих рабочих и организаторов, освещенных яркими прожекторами.

Не сейчас. Придется делать это уже днем, чтобы смогли увидеть нужные люди.

Прежняя уверенность камня уступала место сомнениям бабочки, решившей перелететь
через могучие воды Оби. Его зубы настукивают мелодию наркотического припадка метронома,
из носа течет вода, а колено болело все сильнее.

*Ну и куда ты так бежал? Да... может, не стоило так быстро прощаться с Аллой?
Сейчас бы ты чувствовал себя гораздо уютней.* (Болезненная улыбка на мгновение застыла
на его лице.)

Саша стоял и не знал, куда ему податься. Возвращаться обратно – нет, это глупость. Он
осмотрелся. Супермаркет с окнами в пол – с той стороны будет видно павильон. Саша мед-
ленно, волоча окоченевшую ногу, которая не желала сгибаться, добрал до желанной теплоты.
Ранний час, в лицах редких посетителей читается молчаливое презрение. Они расплачиваются,
берут раздутые пакеты, идут в прогретые машины. Когда замечают Сашу у входа, быстро отво-
рачивают свои взгляды.

*Неужели я так плохо выгляжу сейчас? Черт! Как можно было оставить деньги
в номере?*

Запах автомата с кофе отвел его от входа. В кармане ни копейки.

Как же ноет нога.

Он опустил на пол свои авоськи и ощупал обветрившимися руками колено – оно явно
увеличилось в размерах. К автомату подошла особа с фигурой спортсменки. В животе у Саши
заурчало. Молодая женщина обернулась и протянула купюру, на которую можно было купить
девять с четвертью порций кофе.

– Сдачу оставь себе, – максимально безэмоционально произнесла она и покинула мага-
зин.

Толчок в плечо.

– Если не собираешься ничего покупать, забирай свои манатки и вали отсюда! – доста-
точно доходчиво разъяснил ему охранник.

У Саши не было ни сил, ни желания с ним спорить. Опершись на раму, как на костыль, он
вышел из магазина. Его лицо вновь встретил безжалостный ветер. Саша решил не появляться
у павильона до открытия выставки, а это значило, что было необходимо как-то убить около
пяти часов. Холод, ярко ощущаемый телом, прогнал Сашу вглубь дворов, где он нашел под-
вал – дешевое подобие провинциального бара. К его счастью, желавших излить свою душу пер-
вому встречному не нашлось. Отвратно горькая водка оказалась лечебной, жить стало легче.
От улыбки счастья на лице отвлекали только пугающие мысли.

*Жесть! Пару дней назад я забрал все деньги из кошелька незнакомца. Успел бросить эту
скуластую особу. Приперся сюда, как какой-то псих со всем этим барахлом! Полтора часа
назад меня приняли за бомжа! Дали денег из жалости, а я их пропиваю в какой-то вонючей
дыре!*

В одиннадцать часов он проснулся от стука швабры по деревянной скамейке в баре. Его
вещи никто не стащил, а деньги остались в кассе этой больницы. Саша с трудом выволок себя
на улицу. Дневной свет давил на глаза, но находиться на открытом воздухе стало проще. Саша,
напрягая ватные ноги и раскалывающуюся голову, вспоминал, где тот многострадальный пави-
льон.

Он на месте. Около входа очередь человек из десяти.

Я действительно собираюсь это сделать? Может, еще подождать? Почему так мало людей?

За дверьми явно есть сотрудники, которые сразу все услышат. В паре машин от входа остановился фургон с логотипом регионального телевидения.

– Назад пути нет. Зерна пороха начали гореть. Сейчас или никогда!

Саша направился через дорогу быстрыми и широкими шагами. Голос в голове повторял: «делай быстро и будь что будет». Посреди дороги его чуть не сбил водитель, чей день заберет множество нервных клеток. Саша, не обращая внимания на прохожих, посетителей и телевизионщиков, дошел до стены, достал дрель. Трети заряда должно хватить. Затем очистил от бумаги холст, прижал его к стене разбухшим коленом. Первый саморез, издавая скрежет, заглушающий шум колес, проезжающих по сырому асфальту, с трудом, но все же вошел в кирпичную стену, прижав треснувшую раму. Те, кто оказался здесь и сейчас, начали обступать Сашу с разных сторон, громко обсуждая, что происходит. Второй саморез выпал из рук и отскочил к ногам зевак. Саша упал на колени, шаря руками по тротуару. Бешено бьется сердце, картинка перед глазами сжалась, холод не ощущается. Потерянная драгоценность нашлась у женских ног в элегантных джодпурах. Саша настолько был не в себе прежнем, что не поднял головы, чтобы увидеть лицо незнакомки. Впрочем, непонятно откуда взявшийся луч нежно-оранжевого света лег на щиколотки, достойные кисти Камиля Писсарро. Повторный оглушающий скрежет металла о камень наконец привлек внимание сотрудников выставки.

– Кто вы такой?! Что вы здесь делаете?! Немедленно отойдите от стены! Я вызываю охрану!

Со спины подошел какой-то мужчина и бесцеремонно попытался за плечи оторвать создателя от действия. Такой поворот вызвал у Саши резкий прилив сил, смешанный с яростью и насмешкой. Он с такой силой оттолкнул глупца, что тот отлетел на пару метров и с тупым звуком упал, оставив свои попытки активности. Окружающие начали отчетливее понимать, что происходящее не задумка организаторов. Саша просчитал, что у него остаются секунды. Он выхватил из-за пазухи баллон с краской. Всеобщая суматоха усиливается, слышны маты охранников, пробирающихся сквозь стиснувшиеся спины зевак. Саша быстро вздернул крышку, искося поверх рамы, холста и стены жирно по-английски написал «I Can». Отошел на полшага.

Красная стена и красная краска! Идиот! Нужно было брать черную!

Удар в область лопатки – жгучая боль, ноги подкосились, он на коленях. Еще удар – темно.

Очнулся Саша в палате. Первая мысль вызвала удивление, он прекрасно помнил детали – шероховатость оберточной бумаги, привлекательные ножки, треск неподатливого кирпича, яркий запах краски, все, что с ним происходило до удара по голове, вопреки историям, показанным в кино. Затем его посетил страх, из-за того, что он не смог поднести свою руку к лицу. Вот она, его фобия воплотилась в реальность – ему повредили верхние позвонки, и теперь его жизнь – жизнь овоща, неспособного самостоятельно что-либо делать.

Почему я один в палате? Хочу хоть кого-то увидеть, этот белый потолок меня раздавит.

Зашел мужчина средних лет, в очках. Даже если бы он был не в халате, можно было сказать, что он врач.

– Все хорошо, доктор. Что со мной? Мои руки такие тяжелые.

– Не переживайте, голубчик. У вас всего лишь трещина надколенника – детская забава, – его улыбка говорила, что он видел проблемы посерьезнее. – Ваше тело было истощено, мы ввели вам витамины. Побочные эффекты позже пройдут. Отдыхайте, вас будет навещать сестра, если появится желание что-либо спросить у меня, говорите ей смело, она профессионал. Ах, да. К вам еще зайдут из органов. Если надоест отвечать на их вопросы, скажите, что устали и не можете больше продолжать беседу.

Врач дружески похлопал больного по плечу и вышел за стены цвета молодой мяты.

Саша опустил взгляд. Нога не болит, она перевязана. Он зарыл глаза, койка медленно превращалась в бездонное затягивающее облако.

Гарольд: «Я уже подумал, что ты ничего не сделаешь! Ха-ха! Насчет полиции не переживай, неважно, что ты им скажешь. Скоро у тебя появится друг. Хм, да еще сестра зайдет (Саша почувствовал его улыбку). Сейчас у тебя сон, но не надейся остаться здесь надолго».

Он проснулся от легкого прикосновения к плечу. Лицо. Взгляд. Это то, что программирует нас, то, что заставляет в первые мгновения понять, свой или чужой. Милая Даша – медсестра, работает здесь не первый год, старше Саши лет на семь – десять лет, женственна, тактична, привлекательна и профессиональна, как заметил врач. Есть то, что привносит в ее жизнь веру в абсолютное счастье – ее любимая школьница-дочь. Она из тех, кто еще верит в прекрасные идеалы, но уже не настолько глупа, чтобы окружающие это замечали.

– Как вы себя чувствуете, озорник? – тонкая ирония, кокетливость, но неприступность глаз.

– Спасибо, вроде как жив и хорошо себя чувствую. Можно на «ты», – Саша непроизвольно улыбнулся ее умиротворяющим глазам.

IV

«Наконец-то мы тебя вытащили из этой психушки!» – сказал Крот. Три дня назад Александр понятия не имел, кто этот высокий лысый парень с отпечатком смертельной болезни на лице. Он пришел в палату, представился Кротом. Сказал, что рад видеть соратника в борьбе со злом. Крепко пожал руку, от чего на его лбу проявилась вена, своим контуром напоминавшая зловещую улыбку. Затем он пообещал как можно раньше вытащить Александра.

– Куда мы сейчас? – спросил он, жадно вдыхая морозный воздух у выхода из больницы.

– Как куда? К нам, в «Школу самосовершенствования Я», – Крот болезненно улыбнулся. Ты же теперь один из нас.

– Слушай, у меня сейчас нет денег, так что я не хотел бы тебя сильно утруждать. Ты и так мне помог. Единственный, кто выслушал, понял. Не знаю, что сказали моим родителям, но даже мама не захотела ничего слышать.

– Запомни, нас никто не понимает. Я тебя не понял, ты меня не понял. Мы индивидуальны, но стремимся жить в гармонии с теми, кто способен это понять. Насчет еды, одежды и личного пространства для рефлексии – не переживай. Деньги – сам заработаешь, я подскажу.

Они дошли до машины – старый «японец», нет переднего пассажирского сиденья, стекла вперевой тонированы в легкие желтый и синий оттенки. Салон пропитан неоднозначностью и вьезшимися в алькантару потолка ароматами трав.

– Куда я еду?

– Туда же, куда я, – ответил капитан этой потрепанной шлюпки.

Абсурдности происходящему добавляли усы Джимми Эдвардса, щеголявшие в разбитом зеркале заднего вида.

Александр больше не задавал вопросов. В течение часа пути он чувствовал легкий трепет неизвестности и просто рассматривал прохожих. Пышные и страстные здания втянули машину в свои тиски безвременья. На пути от пришвартованного судна до четырехкомнатной квартиры с высоченными потолками была парадная. Поднимаясь на второй этаж, Александр почувствовал здесь силу тени, зримую упадочность и какую-то величавость размаха. В его голове возник образ буйного, обратившегося в камень правителя, совершающего мощный пафосный жест – рукой от сердца к новым землям.

Белые стены, большие окна, повсюду в хаотичном порядке разбросаны краски, исписанные листы, полупустые бутылки, книги, старые напольные светильники разных эпох.

– Входящие, оставьте упования! – произнес высокий парень с вытянутым лицом и длинными, но жидкими темными волосами. Он подал два бокала, удерживая их за ножки тремя пальцами, затем театрально поклонился. Александр обратил внимание на мизинец его левой руки, там синеватой вспышкой красовалось толстенное кольцо.

Разуваться не следовало. Выпив вина с приторной горечью и долей кислоты, они втроем прошли в главную комнату. Посреди расположен японский котацу, приютивший симпатичную девушку с пышными локонами цвета мокко. На ее губах загадочно цвела фиалка сорта «Полина Виардо», в ее взгляде читалась стервозность.

– А вот и наш новый герой! – произнесла она довольно громко, отчего Саша словно вышел из забытья. Он почувствовал, как височная мышца на пару секунд сжалась от ее голоса.

– Симпатичный... но я ожидала немного другого, – слова ее были наполнены смесью сарказма, величавости и кокетливости. – Ты баскетболом не увлекаешься?

Саша понял недвусмысленный намек на его рост и впервые за долгое время улыбнулся.

– Предпочитаю волейбол.

– А, значит, ты наш Йохан Шопс.

– Скорее зритель Мари Параиба.

– Лариса, – она медленно подняла свою левую ручку.

– Александр. – В этот момент он непроизвольно улыбнулся. Ему захотелось сказать: «Спасибо за предоставленную возможность». Однако, промолчав, он легко коснулся губами ее слегка пухлых пальчиков.

Буду называть ее полярной лисицей, подумал он.

Глубокая ночь, лиса с долговязой шпалой, чье имя или псевдоним абсолютно не запомнились, пару часов как покинули эту обитель. Вечер в их копании подарил возбужденность и энергию, от которой теперь совершенно нельзя было заснуть. Из соседней комнаты доносится глухой и печальный хрип Крота.

– Может, позвонить маме? Столько пропущенных. Нужно собраться с мыслями. Что я должен сказать? Успокоить, или сообщить о том, что моя жизнь пошла по какой-то новой траектории? Нужно меньше думать, просто позвонить.

– Алло, привет мам.

– Привет, сына.

Где-то там далеко сонный голос. Саша вспомнил о разнице во времени.

– Как вы там? Все хорошо?

– Отец работает, я сплю уже. Ты где? Что случилось?

– Все хорошо у меня, я в другом городе, останусь здесь на какое-то время.

– У тебя деньги есть? Чем ты там занимаешься? Работаешь?

– Да ничем я здесь не занимаюсь пока.

– Ох... – снисходительный вздох и взгляд – Саша почти видел это. – Послушай, сколько тебе лет? Тебе нужно идти устраиваться по специальности. Начинать работать. Ты вообще понимаешь, как это важно? Сначала пойдешь на самую низкую должность, поработаешь, потом возьмешь однушку в ипотеку. Пора начинать взрослую жизнь. Тебе нужно влиться в коллектив, жить нормальной жизнью. Ты понимаешь это?

– Я понимаю, поэтому не иду туда работать.

Пауза.

– Слушай, а сколько там дворники получают? Нет, ну а что? Встал утром, пока все еще спят, раз-раз все убрал и потом весь день свободен. Так у тебя хотя бы деньги будут.

– Не думаю, что там раз-раз.

– А мне кажется, это хороший вариант для тебя. Хотя бы начнешь работать, а там посмотришь уже. Ты пойми, собака не мочится только под вращающееся колесо. Понимаешь, нужно работать. А тот, кто стоит на месте, так на него все и ссут, вот он и обиженный постоянно.

– Я тебя услышал, – Саша непроизвольно стиснул зубы в молчаливой ухмылке, так, что почувствовал боль. – Ладно, мам, мне пора. Давай, созвонимся.

– Ты понял меня? Твоя задача устроиться дворником. Ну, ладно-ладно подожди, поговори с отцом, – она, зажав динамик, позвала так, что можно было расслышать, что она говорит. – С Сашей разговариваю, иди поговори.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.